

Главный редактор «МК в Серпухове»: «Следователь сразу сказал, что меня ждет тюрьма»

Следствие на днях завершило расследование уголовного дела против главного редактора «МК в Серпухове» Яны Киблицки. Яне вменяют почти экзотическую для журналистов ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни» за публикацию в защиту главного детского

реаниматолога (по версии следствия, разгласила данные пациента).

Львиная доля героев журналистских расследований не желают, чтобы звучали их личные данные. До сих пор, если речь шла об общественном интересе, мы чувствовали ту грань, когда допустимо их разглашение.

Неужели все изменится теперь? Эксперты считают, что дело Киблицки может стать роковым для всех СМИ. Обозреватель «МК», член Совета при Президенте РФ по правам человека и развитию гражданского общества разбиралась в истории вопроса.

Эта история началась с другой, не упомянуть которую нельзя.

Итак, в апреле 2017 года весь подмосковный Серпухов обсуждал громкую и страшную новость: заведующий реанимационным отделением инфекционного стационара ЦРБ Сергей Парфенов якобы убил пациента – 27-летнего инвалида с детства Николая Силаева.

Откуда все это выяснилось? Статью с заголовком «Нашего ребенка

убили врачи» опубликовал информационный портал «ОКА.FM» (со ссылкой на «Ока-инфо»). В ней в подробностях рассказывалось о трагедии серпуховской семьи Силаевых.

Если же коротко, то вот как развивались события. У 27-летнего Николая, инвалида с детства (диагноз: врожденная гидроцефалия), случился очередной приступ эпилепсии. Парня отвезли в «инфекцию», где, как уверяли родители, врач Парфенов при установке зонда пробил ему пищевод. Через некоторое время после выписки из инфекционного стационара Николай Силаев скончался. Произошло это уже в другой больнице.

Вскоре по настоянию родителей в отношении заведующего реанимационным отделением ЦРБ Сергея Парфенова было возбуждено уголовное дело.

Медики Серпухова были, мягко говоря, в недоумении.

– В октябре 2017 года ко мне как к главному редактору регионального еженедельника «МК в Серпухове» обратились сотрудники реанимации с просьбой объективно разобраться в ситуации, – рассказывает Яна Киблицки. – Они рассчитывали, что я проведу полноценное журналистское расследование. Дело громкое, резонансное и – что самое важное – имеет общественное значение. В общем, я стала собирать материалы. Мне удалось узнать, что вторая экспертиза, которая была проведена по требованию родителей умершего (на основании которой и было возбуждено уголовное дело в отношении врача Парфенова), имела противоречия и вызывала обоснованные сомнения. Я пообщалась с людьми, знающими семью Силаевых. Мне рассказывали, что жалобы для них – это почти что образ жизни (они регулярно обращаются в разные инстанции по разным поводам).

Журналистка на самом деле провела большое всестороннее и объективное расследование. И первой изложила альтернативную версию событий. В этой версии звучали малоприятные для семьи факты. Вот только несколько примеров.

– Медперсонал мне рассказал, что поступивший больной был

неухоженным, – говорит Яна, – и что с собой в больницу родители не привезли ни документов, ни средств гигиены. Я потом побывала на могиле и убедилась, что за захоронением не ухаживают – оно имело неприглядный вид.

Яна написала статью под заголовком «Карьера лучшего детского реаниматолога Серпухова под угрозой. Почему кончина инвалида с детства может повисить в городе детскую смертность». Длинным, броским. Яна так его объясняет:

– Парфенов – врач с огромным опытом работы, на его счету сотни спасенных жизней. К тому же он единственный детский реаниматолог в городском округе. Поэтому в статье высказывалось опасение, что из-за уголовного преследования могут пострадать дети.

Публикация вызвала большой общественный резонанс. Многие звонили в редакцию со словами благодарности Яне и поддержки доктору Парфенову. Вскоре вдруг выяснилось, что Силаевы обратились в МУ МВД России «Серпуховское» с требованием о возбуждении уголовного дела уже в отношении неугодного журналиста Киблицки за «клевету» и «нарушение неприкосновенности частной жизни».

И понеслось!

Первая проверка, которую провела полиция, состава преступления не нашла. Однако Силаевы не отступили. Следователь по особо важным делам Воронин в январе 2019 года возбудил уголовное дело по ст. 137 УК РФ («Неприкосновенность частной жизни»). А 27 августа 2019 года к ней прибавилась еще одна – 128.1 УК РФ («Клевета»).

Яна вспоминает свое общение со следователем:

– Он бесконечно мне повторял: «Вы вторглись в личную жизнь. Вы не спросили у них разрешения». Я ему объясняла, что история нашумевшая, фамилии и диагнозы не являлись тайной, их сообщали и демонстрировали медицинские документы родители (!) умершего задолго до того, как я написала свою статью. Как можно

разгласить то, что уже всем и так известно?! Я даже скриншоты других статей и публикаций, где излагалась и обсуждалась эта врачебная история, показывала. Но Воронин резюмировал, как говорится, без суда и следствия: «Будете сидеть в тюрьме. Вас ждет 4 года. Но поскольку у вас малолетний ребенок, то год посидите и выйдете».

Давление на женщину и запугивание тюрьмой многодетной матери (самому маленькому ребенку Яны всего годик) чести нашему следствию, конечно, не делают. Что касается сути обвинения, вопрос тут, мягко говоря, спорный.

Эксперты психолого-лингвистической экспертизы (ее провели по требованию самих Силаевых) в своем заключении написали: «Информация не воспринимается читателем как являющаяся заведомо ложной, порочащей честь, достоинство и деловую репутацию человека». Выходит, нарушений по ст. 128.1 УК РФ («Клевета») они не усмотрели. Эксперты также указали, что «Текст выполняет социально-оценочную функцию. Он обуславливает особый подход журналиста к предмету речи: в предмете вскрывается его социальная значимость для общества». Это важно, поскольку журналист имеет право распространять сведения о личной жизни гражданина без письменного согласия его или законных представителей в случаях, определенных законодателем (когда это представляет общественный интерес). Киблицки была твердо уверена: она в статье заступает даже не за конкретного детского реаниматолога, а борется за каждого ребенка, который потенциально может стать его пациентом и которому он может спасти жизнь.

Обязательно ли для этого было писать про неухоженную могилу и т.д.?

Сложно сказать. Возможно, стоило пощадить чувства родителей, потерявших сына. Но с другой стороны, это ведь они изначально обратились в полицию, в СМИ, предали огласке те самые сведения, об охране которых теперь заявляют исключительно в отношении «плохого» журналиста, осветившего ситуацию с

неудобной им стороны. Вероятно, рассчитывая на односторонние публикации только в защиту их личных интересов?

Обязательно ли было сообщать о медицинском диагнозе, который уже был предан огласке и без того всем известен?

И тут можно спорить.

Почему решили возбудить именно уголовное дело? Не знаю. Но знаю, что в таких ситуациях обычно обходятся «административкой». Некоторые факты заставляют задуматься. Общеизвестно, что Яна – депутат совета депутатов городского округа Серпухов Московской области, и уголовное дело в отношении журналиста было возбуждено накануне муниципальных выборов в Серпухове. Да и, судя по всему, следствие «неравнодушно» к Яне Киблицки. И причины этого, по ее мнению, кроются в ее журналистской деятельности, которая пришлась не по душе областной структуре безопасности по экономическим преступлениям. Ведь на протяжении нескольких лет подряд Яна писала про экономические преступления, которые так и не были раскрыты.

Или еще одна интересная особенность: обо всех процессуальных действиях в отношении нее Яна узнавала не от следователя Воронина, а из материалов «ОКА.ФМ». Это издание публиковало ту информацию, которую она сообщала следователю Воронину лично и которую больше никто знать не мог. Надо ли в этом случае говорить о «тайне следствия»? Вот ведь интересная получается ситуация: Воронин, расследуя дело о разглашении журналистом личных данных, не может сам обеспечить охраняемую законом тайну.

Заслуживают внимания и другие немаловажные обстоятельства, касающиеся личных и семейных «тайн» Силаевых. Согласно сведениям Серпуховского горсуда Московской области, секретарем судебного заседания в составе судьи Крутоус Елены Жоржевны работает дочь Силаевых, сестра умершего Силаева. Кроме того, племянница отца Николая Силаева является помощником

Серпуховского городского прокурора (надо полагать, утверждающего обвинительное заключение в отношении журналиста).

После того как профильная комиссия по защите прав журналистов и свободе слова СПЧ заступилась за Яну, следователь проявил интерес к ее здоровью и впервые за все время побеседовал, скажем так, мирно, по душам. Но как только расследование завершилось, тональность стала снова другой.

– Здоровье подкачало: нервы и откровенная травля дают о себе знать, – говорит Яна. – И в тот момент, когда я находилась на больничном, представители ГСУ СК России по Московской области стали настойчиво звонить с требованием явиться на предъявление обвинения: дескать, болезнь не освобождает меня от участия в следственных мероприятиях. И вот в мою квартиру позвонили... Оказалось, что это сотрудник ОБЭПа, которому поручено осуществить привод. Мой средний девятилетний сын, испугавшись, заплакал: «Мама, тебя за правду посадят в тюрьму?..» Я понимаю, что сотрудник полиции в этой трагикомедии играет вторую, а может, и эпизодическую роль: у него приказ привести «под белы руки» преступницу. Что он и делает.

Цензуры в России официально нет. Свобода слова вроде как есть. Но по факту она приобретает новую форму. Уголовных дел против журналистов становится все больше, и СПЧ вынужден даже делать мониторинг таких историй, чтобы вовремя прореагировать. Если мы все вместе сейчас не остановим, как выразился один мой коллега, «всероссийский наезд на журналистов», то потеряем больше, чем свободную прессу.

Автор историко-политического трактата Алексис Токвиль однажды сказал: «Даже те, кто применяет закон, в конце концов начинают его презирать, когда не существует более газет, способных умерить прихоти или ограничить произвол министров и их канцелярий».

Ева Меркачева

